

Вячеслав ХЭЙТ

Россия всегда провожает
как будто на пару
Недель, километров, обрывков
газетных страниц.
Цветущей сиренью
над треснувшим тротуаром
И горьким упрёком лиловых
морщинистых лиц.

Обед на столе остывает, молчат
зеркала...
Недобрым молчаньем в гнетущей
немой пустоте.
И воздух всё гуще и гуще,
черней, чем смола.
И вроде слова говорятя,
но точно не те.

Россия всегда провожает
помпезно и пышно:
Оркестром на заднем дворе
и запоем свирепым,
Седым баянистом и голубем
сизым на крыше,
Петлёй в сеновале и залпом
в багровое небо...
И кротким молчанием в мае
цветущих кубышек.

Ночь, улица, фонарь и два мента
Всё косятся на нас из синей
будки,
А рядом тёмные немые переулки,
Что режут вдоль Уральского
хребта

Мой бирюзовый город на куски,
Оставив кости доедать собакам.
Смердит хип-хопом из авто
у Мака,
А мы с тобой становимся близки.

Твой безучастный, но игривый
взгляд
То ли воровки, то ли
Мельпомены
Сулит нам в жизни скорой
перемены.
Я весь — неразорвавшийся
снаряд.

Я в приступе бодлеровской
тоски
Грязь соскоблить забыл из-под
ногтей.
И вроде всё у нас, как у людей,
Но отчего-то так не по-людски.

«Лафройг» на языке отплясывает
танго.
Желтеет потолок от дыма
и вранья.
За окнами густеет комок
из воронья,
Со всех экранов скалится
«Лубянка».

И тошно. И пылится на серванте
Хрусталь, не зная, что уходит
мода...

Я вглядываюсь в бездну
по субботам.
Живу то как Юсупов, то как
Ганди,

В себе искореняя мещанина.
Но хочется то запереться в хате,
То прыгнуть на страницы
хрестоматий,
То собирать репей своей
штаниной,
По полю рассекая на закате.

Александра СВИДЕРСКАЯ

Мы друг в друга накрепко
вросли,
Намертво зацепились рёбрами.
Остатки сердца больного спасли.
Плечом к плечу, между
небоскрёбами.

Терзая пальцами нежную плоть,
Давясь словами любви неистойвой,
Нас сотни раз пытались
перемолоть,
Мы убивали всех одним
выстрелом.
Мы языки связали в узлы
За поцелуями или спорами.

И сотни раз сжигали мосты,
Но прилетали на берег спорами.

Теперь, как ветхий столетний
дуб,
Гниём одной престарелой
корягой.
И лишь касание тёплых губ
Питает корни сухие влагой.

Я ухожу, ухожу навсегда.
Я исчезну как сон, растворюсь
сквозь года.
Я меняю часы, явки и полюса,
У меня теперь новые небеса.

Я пожертвую всем ради шаткой
мечты,
Освещают мой путь, догорая,
мосты.
Я не верю в любовь, но я верю
в себя.
Я сама капитан своего корабля.

Да, я очень боюсь, но придётся
одной,
Твой манящий причал за мою
спиной.
А ты просто молчи, пожелай
мне удачи
В этой вечной борьбе, в этой
сложной задаче.

Я останусь лишь призраком
в доме твоём,
Освещая дорогу потухшим огнём.

В нашей комнате будут белые
стены,
Мягкая кровать и тёплое одеяло.
Я буду лежать, целовать твои
вены,
С боку на бок перекатываясь
вляло.

Я познакомлюсь с каждой твоей
мурашкой,
Сосчитаю все твои шрамы,
Ты будешь звать меня своей
дурашкой
И говорить, что любишь больше
мамы.

Ты будешь смотреть в глаза мои
пьяные,
Перебирая каштановые волосы,
Будет всё только самое главное,
И никаких, никаких вопросов.

Врата Рая — белая дверь
из дерева.
Мы друг другу и Бог, и Дьявол.
В этой комнате не будет времени,
Только мы и пуховое одеяло.

Анастасия УЗДЯЕВА

ЭТАЖИ

У того, что мне суждено
прожить,
Крылья бьются окнами в этажи.
Нас учили с детства не жить
во лжи,
Только много ли сердца в моём
«скажи»?
Если и бывает минутка
искренности до конца,
Хочется, чтобы никто не увидел
лица,

Я сокрыла в темноте свои
пожары —
Как не отменить, не прекратить
того, что жалит.
Отказать себе в честности —
как запретить дышать.
Потерпи, подожди, примиришь
же, моя душа,
Прежде чем сделать вперёд
первый шаг,
Отмахнись от тебя, в суете
спеша.
Навык скрыть от себя самого
крепко вымыт,
Благодатная почва для страхов,
обид,
Только если лицом повернусь
к судьбе,
То смогу ли в глаза посмотреть
себе?

ПРО ОГУРЦЫ

Она выходит и садится
на крылечко,
Неспешно пальцем теревит
подол.
«Ты извини, я, может,
и не вовремя, конечно,
Да просто так, случайно мимо
шёл».
А за забором уж давно как
вечереет,
Галдят вороны
(что — не разобрать),
В глазах её синь неба голубеет,
Из-под косынки золотится
мёдом прядь.
А я стою — ну в точности
растерян,
В руках не к месту с огурцами
таз,

О НАПИТКАХ И ЧУВСТВАХ

Застарелая рана на сердце
Снова стала сочиться кровью.
Любишь ты, чтоб побольше
перца,
И привычку зовёшь любовью.
Переменчив март, не согреет.
Холод лечит и отрезвляет.
Есть здесь те, кто любить умеет?
Или что-то про это знает...
Жизнь течёт, а я в отстающих.
Сердце тихо плачет от боли.
Снова я о любви, о чувствах...
Коньяка плеснуть в колу,
что ли?

И я когда-то буду пожилой,
Пожившей много лет на этом
свете.
И будут несогласными со мной
Все молодые, даже мои дети.
Я буду и ворчливой, и скупой.
Со мной договориться будет
сложно,
Я буду даты забывать порой,
Зимой ходить по снегу
осторожно.
А вечерами буду пить вино
И вспоминать, как молодость
чудила,
Смотреть любимое советское
кино
И говорить: «О, да! Всё так
и было!»
Всё так и было, точно как
в кино.
Любовь, работа, праздники,
поминки,
И солнца луч в открытое окно,
И первый муж, мечтавший
о блондинке.

А кто-то старый даже в тридцать
шесть.
Удивлена, ведь это возраст
лучший.
На месте красота, помята честь,
И отличаешь истину от чуши.

Когда папирусом свернутся
небеса
И спрячут жизнь людскую
в преисподнюю,
Я крикну в пустоту:
«Какого пса?»
Идите к чёрту!
Только не сегодня».
Какие планы рушатся сейчас!
О, Боже, прочитай мои записки,
Разборки с миром отложи
на час,
Вот чай горячий, молоко,
ириски...
Всего один звонок,
пока ты пьёшь.
Один вопрос, ведь дел-то
на минуту...
Решу проблему, а потом
начнёшь
Сжигать мосты и сеять в мире
смуту.
Не отвечай, мне не нужны слова.
Дай просто знак, желание
исполни.
Я на пределе, я едва жива,
Из тысячи других меня запомни!
Стою у края, думаю — взлечу!
И прямо к солнцу, опалая
крылья...
Но календарь сулит поход
к врачу,
Жаль, он не выпишет лекарства
от бессилья...

«Не такого я хотела видеть рядом
с дочкой.

Не такого...»

Знаешь, он недавно был отчислен
с института.
Он терпеть не может расписаний
и условий.

Только он не отморозок, мама,
он не глупый,
Он бедовый.

Он ночами на спор ходит краем
скользкой крыши,
Смотрит дерзко всем в глаза,
не отрывая взгляда.
Но когда я рядом, он спокойнее
и тише.

Это правда.

Он не верит в Бога, но бросает
нищим деньги,
Ест фастфуд, не носит в холод
ни шарфа, ни шапки.
Есть проблемы, но с мозгами
и самооценкой
Всё в порядке.

Ты меня учила не делить людей
по расам
И что нет плохих, есть те,
кто сделал выбор скверный.
Я сумею, мама, приручить в нём
дух бунтарства.
Ты поверь мне.

Рядом с ним я чувствую себя
любимой, нужной.
Да, я знаю: если что — и ты,
и папа рядом.
Только мы уже решили стать
женой и мужем.
Ты не рада?

БЕЗ БОЯ

Зацепила, сняла с крючка.
Хоть и с виду была обычной.
Знаешь, не был я никогда
Для охотниц лёгкой добычей.

Безоружна, как день проста,
Ты при всех надо мной
хохочешь.

И, как бабочка край лепестка,
Душу лапками мне щекочешь.

Не заметил, как начал сам
Любоваться тайком тобою.
Свет струится по волосам...
Я, похоже, сдаюсь без боя.

ТЕМ, КТО РЯДОМ

А вы уже решили быть
счастливым?
Нет, не примерить, а одеться
в счастье.
Я знаю, в детстве делать так
могли вы,
Распахивали миру душу настежь.

Но где достать утраченную
детскость,
Которую так часто предавали,
Спеша скорей по-взрослому
одеться,
Пинув под шкаф уютные
сандалии.

А сверху Он глядит в меня
с улыбкой,
Без слов даёт понять мне цветом
неба,
Что в мире всё и временно,
и зыбко.
Я так хочу найти Его по следу.

